

принцип, но и, что наиболее существенно, «связал» его сущность и действие с другими институтами гражданского права и нормами гражданского законодательства. Принцип добросовестности, таким образом, перестал быть неким непонятным оценочным термином, открытой нормой, ограниченно используемой в отдельных гражданско-правовых институтах.

В настоящее время принцип добросовестности связал многие нормы гражданского законодательства и тем самым предложил новый уровень гражданско-правового регулирования. Можно сказать, что из априорного

понятия (то есть знания, предшествующего опыту), интуитивного понятия «добросовестность» превратилась в реальное знание, формально определенную норму, категорию, которую участникам необходимо учитывать, использовать при вступлении в гражданский оборот. Соответственно, закрепление принципа добросовестности как основы законодательства, как «основной нормы», установило приоритет принципа перед большинством норм и институтов гражданского права, придало ему большую юридическую силу и в то же время практически изменило подход к гражданско-правовому регулированию.

Список использованных источников

1. Витушко, В. А. Гражданское право. Общая часть / В. А. Витушко [и др.] ; под. ред. В. А. Витушко. — Минск : БГЭУ, 1997. — 284 с.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.07.2014 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «Юр-Спектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2014.
3. Добросовестность. Юрист Дмитрий Дождев о критике понятия, свободе усмотрения и римском праве // Постнаука. — Режим доступа: <http://postnauka.ru/video/10778>. — Дата доступа: 30.09.2014.
4. Гражданское право : учебник : в 4 т. / В. С. Ем [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Волтерс Клувер, 2006. — Т. 1: Общая часть. — 720 с.
5. Скловский, К. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России / К. Скловский // Хозяйство и право. — 2002. — № 9. — С. 79–94.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 30 нояб. 1994 г., № 51-ФЗ : в ред. Федер. закона от 05.08.2014 г. // Гражданский кодекс РФ. — Режим доступа: <http://www.gk-rf.ru/>. — Дата доступа: 09.10.2014.
7. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». — Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=PRJ;n=93951>. — Дата доступа: 21.04.2014.
8. Жгулёв, А. А. Добросовестность при исполнении обязательства / А. А. Жгулёв. — М. : Инфотропик Медиа, 2011. — 112 с. 13.10.2014

УДК 347

С. С. ВАБИЩЕВИЧ

ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ В СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ НАУКЕ

Проводится описательно-критический обзор работ советского, постсоветского и современного периодов, в которых упоминается проблема сущности юридических обязанностей вообще и гражданско-правовых в частности. На основании хронологического изложения соответствующих научных знаний автор приходит к выводу о сформировавшейся характеристике юридической обязанности как многофункционального явления. Делается вывод о необходимости поиска новой, соответствующей современным реалиям социально-правовой сущности юридических обязанностей в целом и частноправовых обязанностей в частности.

In the article the descriptive and critical review of works of the Soviet, Post-Soviet and modern periods in which the problem of essence of legal duties in general and civil-law is mentioned, in particular is spent. On the basis of a chronological statement of corresponding scientific knowledge the author comes to conclusion about the generated characteristic of a legal duty as multipurpose phenomenon. The conclusion about necessity of search of new, corresponding modern realities, social and legal essence of legal duties in general and in civil-law duties, in particular is made.

Проблема гражданско-правовых обязанностей в советской цивилистике не рассматривалась (за редкими исключениями) как самостоятельная проблема и популярностью, соответственно, не пользовалась. Однако ввиду взаимосвязи с иными правовыми категориями, в первую очередь такими, как субъекты права, субъективное право, обязательство, правоотношение и т. д., категория «юридическая обязанность» косвенно становилась объектом

научного внимания. Чаще всего к данной категории обращались представители общетеоретической науки и науки конституционного права при исследовании правового статуса личности, механизма правового регулирования, средств укрепления законности и правопорядка.

Анализ имеющихся разработок позволяет условно выделить несколько основных подходов, определяющих некоторые черты качественного развития сущности дан-

ной категории в советский период развития юридической науки.

В 1920–1940 гг. категория юридических обязанностей выпала из поля зрения представителей общей теории права, в частности в первом советском учебнике по теории государства и права определение юридических обязанностей отсутствовало вовсе [1]. Без преувеличения, на наш взгляд, можно сказать, что начало цивилистическому изучению юридических обязанностей было положено в работе М. М. Агаркова «Обязательство по советскому гражданскому праву» (1940). Анализируя обязанности, как это следует из самого наименования работы, в плоскости проблемы содержания и структуры гражданско-правового обязательства ученый усматривает сущность обязанности в том, что «пассивный субъект не имеет выбора в вопросе, совершить ему какое-либо действие или же не совершить его, а *должен* либо совершить его, либо не совершить *в зависимости от того, что предписывает закон* (курсив наш. — С. В.)» [2, с. 50]. Иными словами, М. М. Агарков указывает, во-первых, на отсутствие свободы выбора у обязанного лица, во-вторых, на то, что юридическая обязанность как должное выступает следствием требований норм права.

Аналогичный подход используют А. М. Айзенберг и М. П. Карева, определяя сущность юридических обязанностей с позиции позитивного правопонимания «как *установленную нормой права связанность* (курсив наш. — С. В.) лица в вопросе о том, допустимо ли ему совершать определенные действия» [3, с. 54].

Впоследствии данная характеристика была дополнена С. Н. Братусем, указывающим на то, что юридическая обязанность, «будучи *мерой поведения, означает долженствование, необходимость* (курсив наш. — С. В.) поведения со стороны обязанного лица: иного выбора, кроме как осуществить это поведение, у обязанного лица нет» [4, с. 11]. Как видим, применительно к характеристике поведения, мера которого составляет, по мнению С. Н. Братуса, существенный признак обязанности, одновременно используются не совпадающие в строго научном смысле категории долженствования и необходимости. Позже схожую точку зрения выскажет С. С. Алексеев. Не входя в существо вопроса, он использует слова «необходимое» и «должное» как синонимы, предварительно пояснив, что, определяя юридическую обязанность как меру необходимого поведения, «необходимость» он понимает не в смысле объективной закономерности, а в смысле долженствования [5, с. 120].

Дальнейшая дискуссия, связанная с пониманием юридической обязанности, в общетеоретической и цивилистической науке развернулась вокруг этих категорий.

Определение юридической обязанности через категорию долженствования стало поводом для критики и основой для формирования нового подхода по рассматриваемому вопросу. Так, С. Ф. Кечекьян первым в советской юридической науке предложил рассматривать правовую обязанность в качестве обусловленной содержащимся в нормах права требованием и обеспеченной государственным принуждением *необходимости* определенного поведения [6, с. 24–25].

Против такого подхода сразу же выступил Н. Г. Александров, заметив, что «термин „необходимость“ привычно связывается с понятием объективной закономерности» и, следовательно, указывает на неизбежность наступления определенного результата, и привел уже предлагавшееся им ранее [7, с. 19] определение юридической обязанности как *должного* поведения одного лица, соответствующего субъективному праву другого лица [8, с. 10], хотя в работе 1950 г. юридическая обязанность характеризовалась им как должное поведение, несоблюдение которого влечет применение тех или иных государственных санкций [9, с. 38]. В своей монографии 1955 г. ученый сводит обязанность к требуемому законом *виду и мере* должного поведения, опять-таки соответствующим субъективному праву другого лица [10, с. 88, 112].

Аргументируя собственную позицию, С. Ф. Кечекьян в полемике с Н. Г. Александровым в следующей своей работе 1958 г. поясняет, что «о необходимости говорится в смысле связанности поведения требованиями, содержащимися в нормах права, и о его соответствии этим требованиям». Иными словами, предполагаемая юридической обязанностью необходимость следует не из законов объективной реальности, а из правовых предписаний. В то же время слова «должное поведение» обозначают поведение, соответствующее обязанности, то есть исполнение обязанности, а не саму обязанность, и содержат в себе оценку поведения независимо от того, о каком времени идет речь, в то время как «обязанность может простираться только на будущее время» [11, с. 60–61].

В свою очередь, не соглашаясь с С. Ф. Кечекьяном, Ю. К. Толстой указывает, что границы обязанности как требования, предъявляемого к *будущему поведению* лица, и закрепляются «в определении ее как предписанной обязанному лицу *меры должного поведения* (курсив наш. — С. В.)» [12, с. 46].

На фоне описанной полемики сначала в работах по уголовному и конституционному, а затем и по гражданскому праву были предприняты не до конца последовательные и не получившие дальнейшего развития попытки уяснения сущности юридической обязанности через противоположные категории «невозможности» и «возможности».

Усматривая тавтологию в интерпретации юридической обязанности с помощью определяющего выражения «должное поведение», с одной стороны, и не находя «более удачного и полного обозначения», с другой, Б. С. Никифоров определяет обязанность «как правовую *невозможность* поведения, выражающегося в воспрепятствовании другому лицу в реализации обеспеченной ему возможности или в необеспечении реализации такой возможности другим лицом». Однако, объяснив, что «под правовой невозможностью определенного поведения мы понимаем невозможность вести или не вести себя определенным образом, закрепленную правом, законом», автор связывает невозможность совершения определенных действий не столько с законом, сколько с самими условиями жизни в социалистическом государстве и, соответственно, уже на следующей странице в качестве синонима невозможности использует словосочетание «общественная необходимость» [13, с. 62–63].

Указав, что «юридическая обязанность есть не только должное, но и возможное в человеческом поведении», Г. В. Мальцев приходит к выводу, что «обязанность есть *возможность* поведения, имеющая необходимый характер, то есть возможное в поведении одновременно является и *необходимым* (курсив наш. — С. В.)» [14, с. 71–73], тем самым не избежав при раскрытии анализируемого понятия обращения к категории необходимости. Однако в таком контексте необходимая в соответствии с правовыми предписаниями возможность является не чем иным, как правовой необходимостью. Кроме того, со всей очевидностью возникает вопрос о различии субъективного права и обязанности, который не может проигнорировать сам Г. В. Мальцев, отмечая, что «государственное признание необходимости поведения... основная специфическая черта обязанностей в отличие от субъективных прав» [14, с. 76].

С тем же акцентом на государственном принуждении использует категорию «возможность» В. С. Толстой, когда пишет, что обязанность — это «возможность совершения некоторого действия, но ее отличительная особенность заключается в угрозе применить к обязанному лицу санкции, если оно допустит нарушение». Ошибочность использования категории «необходимость» ученый связывает с наличием выбора вариантов поведения для носителя обязанности «даже при наличии угрозы очень сурового наказания», подкрепляя свою позицию утверждением О. Э. Лейста, что, «определяя юридические обязанности, государство исходит не из невозможности, а, напротив, из признания возможности противоправного поведения» [15, с. 52]. Не видит В. С. Толстой смысла и в указании на должное поведение лица, на которого возложена обязанность, поскольку «при этом происходит лишь замена термина „обязанность“ его синонимом» [16, с. 5–6].

Невзирая на все критические доводы противников определения юридической обязанности через категорию необходимости, данный подход получил дальнейшее развитие в единственной по сей день научной работе, посвященной гражданско-правовым обязанностям, — диссертации В. С. Ема. Вслед за С. Ф. Кечекьяном ученый усматривает сущность обязанности «в необходимости требуемого правом поведения», а в ответ на выдвинутые ранее возражения о значении термина «необходимость» поясняет, что «необходимость, выражающая сущность обязанности, не адекватна неизбежности... ибо обязанность реализуется через деятельность отдельных личностей, наделенных сознанием и волей и проявляющих разнообразную инициативу согласно своим интересам, своему пониманию социальных условий, конкретной ситуации и т. д.», то есть имеющих возможность выбора, которая (возможность), напомним, послужила для В. С. Толстого обоснованием ошибочности признания необходимого характера юридической обязанности. Соответственно, юридическая обязанность определяется В. С. Емом как «правовая форма, в которой находит выражение социальная необходимость, реализующаяся через практическую деятельность субъектов. <...> В ней заключена необходимость поведения, соответствующего нормам права. <...> Она обеспечивается возможностью государственного принуждения к надлежащему исполне-

нию и только во взаимосвязи с ней приобретает свойства правовой обязанности» [17, с. 34, 39–40].

В отличие от приведенных выше попыток сущностной характеристики юридических обязанностей, О. С. Иоффе, ставя перед собой аналогичную задачу, делал все же акцент на их функциональных особенностях. При таком подходе обязанность определялась «как юридическое средство обеспечения такого поведения ее носителя, в котором нуждается управомоченный и которое государство признает обязательным» [18 с. 56]. Правда, при описании функции юридической обязанности «при помощи противопоставления» была использована категория долженствования: «Тот, кому предоставлено субъективное право, *может* требовать определенного поведения от других лиц; напротив, тот, на кого возложена обязанность, *должен*... исполнить чужое требование, требование управомоченного» [18, с. 56].

Отдельного упоминания заслуживает также основанная на ином аспекте рассматриваемого явления позиция О. А. Красавчикова, в соответствии с которой «субъективная обязанность» (терминология автора) выступает одной из элементарных (наряду с субъективным правом) юридических форм. В своем исследовании, посвященном проблеме юридической формы в целом, цивилист опирается на имеющее, по его мнению, аксиоматический характер определение субъективной обязанности «как основанной на законе меры должного поведения обязанного лица» [19, с. 20–21, 24–25], однако в дальнейшем, перечисляя общие черты, присущие всем юридическим формам, фактически не разграничивает должное и необходимое.

Не будет неточным утверждение о том, что советский период общетеоретической и цивилистической разработки сущности юридических обязанностей как *содержательной стороны правоотношения* на этом завершается. Для последующих исследований 1970–1980-х гг., посвященных данному вопросу, свойственно не всегда сопровождаемое дополнительными аргументами восприятие двух основных вариантов интерпретации юридических обязанностей, основанных на их должном [20, с. 242] либо необходимом [21, с. 158] характере.

При всей противоположности рассмотренных выше подходов их сближают следующие моменты: 1) юридическая обязанность, признаваемая абсолютным большинством исследователей в качестве элемента правоотношения, рассматривается не как самостоятельная правовая категория, а исключительно как коррелят субъективного права; 2) необходимое и (или) должное присутствует в поведении обязанного лица постольку, поскольку обеспечивается угрозой государственного принуждения, выступавшего свойством социалистической государственной власти. Так, поставив под сомнение целесообразность включения в определение обязанности указания на то, что управомоченное лицо может требовать исполнения обязанностей, опираясь на аппарат государственного принуждения, Р. О. Халфина, однако, поясняет, что, «требуя соблюдения обязанностей, управомоченный опирается на свое право. Это включает в себя и указание на то, что в случае необходимости для реализации права могут быть применены меры государственного принуждения» [20, с. 242].

Отдельно следует отметить, что особый этап в теоретическом осмыслении сущности юридических обязанностей связан с активной разработкой в рамках общей теории права и конституционного права юридической конструкции правового положения личности, предпосылкой которой в свое время выступила подготовка проекта и последующее принятие в 1977 г. Конституции «развитого социализма». Изучение юридических обязанностей в этом направлении позволило исследователям обратить внимание не только на традиционно анализируемую внешнюю сторону обязанности, но и на ее внутренний субстрат. Параллельно с этим обосновывается целесообразность разграничения категорий «необходимость (долженствование)» и «должное поведение». Так, Л. Д. Воеводин, полагая, что «обязанности, прежде всего отражаются в предписываемой нормой необходимости следовать определенному виду и мере поведения», пояснял, что должное подчеркивает лишь одну, внешнюю, производную от нормы права, сторону обязанности, а именно то, что обязанность должна быть исполнена, в то время как долженствование, необходимость выражают внутреннюю сторону обязанности, а именно позицию обязанного лица, а не государства, установившего должное поведение и заинтересованного в его реализации [22, с. 28–29; 23, с. 6].

В то же время выделение внутренней стороны обязанности, в качестве которой выступает необходимость поведения, стало предпосылкой для вывода о том, что конструктивным элементом определения понятия юридической обязанности является «ответственность за ненадлежащее исполнение требования, предписываемого конституцией или законом». Как ни странно, но препятствием для такого вывода не выступило одновременное отрицание Л. Д. Воеводиным государственного принуждения в качестве специфической черты юридической обязанности [22, с. 33–35].

Н. И. Матузов, отмечая отсутствие тождественности между ответственностью и обязанностью, приходит к выводу, что «обязанности есть конкретная (нормированная) форма выражения ответственности» [24, с. 65]. В совместной статье Н. И. Матузова и Б. М. Семенко «необходимость отвечать за неисполнение предписанных действий» называется в качестве одного из элементов содержания и включается в определение юридической обязанности в качестве отличительного признака. Сущность же юридической обязанности связывается этими авторами с государственно-правовой необходимостью определенного поведения [25, с. 31, 33, 34].

Не останавливаясь подробно на заслуживающем самостоятельного детального рассмотрения вопросе о соотношении понятий «юридическая обязанность» и «юридическая ответственность», для целей настоящей статьи отметим следующее. Основываясь на положениях официальной советской правовой доктрины, в частности на высказывании В. И. Ленина о том, что право — ничто без аппарата принуждения к соблюдению норм права, М. М. Агарков еще в 1940 г. в упомянутой выше работе указывал на неизбежность включения в качестве элемента понятия «обязательство» санкции, обеспечивающей осуществление права кредитора и исполнение обязанности должника. Ар-

гументируя свою позицию, автор далее отмечал: «В силу обязательства должник не только должен исполнить то, что составляет содержание его обязанности, но и отвечает в случае неисполнения. <...> Долг и ответственность являются не различными и не зависимыми друг от друга элементами обязательства, а лишь двумя аспектами одного и того же отношения. <...> То, что мы обычно обозначаем словами долг и ответственность по обязательству, является в целом не чем иным, как обязанностью должника в обязательственном правоотношении» [2, с. 44]. В результате М. М. Агарков приходит к решающему выводу о том, что «вопрос разграничения долга и ответственности не имеет значения для советского права» [2, с. 45].

В рамках узкой и безальтернативной идеологической парадигмы стали традиционными утверждения о том, что ответственность — это «атрибут, свойство обязанности на той стадии реализации, когда она не исполняется добровольно» [26, с. 102], «обязанности не были бы обязанностями, если бы здесь ответственность по сравнению со свободой не занимала решающее место». Заметим, что такой подход логически предполагает отрицание идеи деления норм на регулятивные и охранительные, а также попытку обоснования исключительно трехэлементной структуры любой правовой нормы [26, с. 104–107].

Последовавшее в 1990-х гг. преодоление господства позитивистского подхода к праву и связанное с этим в том числе углубление нравственно-этических начал права, а также признание за субъективным правом основной правовой ценности стали, с одной стороны, предпосылкой для дальнейшего отождествления ответственности и юридической обязанности, отрицания самостоятельного правового значения последней, с другой — поводом к выявлению общественного и нравственного критериев в основе юридической обязанности.

Так, А. А. Подмарев относит к ограничениям прав (свобод) не только запреты, вторжения, ответственность, но и обязанности, существование которых (запретов) «детерминировано (предопределено) необходимостью защиты конституционно признаваемых ценностей и назначением которых является обеспечение необходимого баланса между интересами личности, общества и государства» [27, с. 15].

По мнению А. В. Полякова, сторонника теории коммуникативного права как одного из вариантов интегрального правопонимания, «правовые обязанности обретают ценностный смысл лишь как обязанности, направленные на удовлетворение интересов управомоченного лица...», «само субъективное право конституируется правовой обязанностью, которая с аксиологической стороны выступает как ответственность» [28, с. 220, 223].

Л. Д. Воеводин в своей работе 1997 г. в качестве элемента содержания юридических обязанностей называет «морально-идеологический норматив» [29, с. 140]. С самим фактом общественного бытия человека, а не с государственным признанием и закреплением в нормах права связывает существование обязанностей Б. С. Эбзеев [30, с. 127–128]. Эту же идею поддерживает В. А. Тархов, когда пишет: «Правовая обязанность и *существует-то* вследствие отражения в ней общественной связи между людьми» [31, с. 134].

Современная юридическая наука представлена гораздо большим по сравнению с советским периодом количеством специальных работ по проблеме юридических обязанностей [32; 33; 34; 35; 36; 37], однако существенный и содержательный аспекты данного феномена какой-либо новой и важной в научном плане интерпретации не получили. Исключение составляет указание В. А. Белова относительно так называемого источника обязанности, в качестве которого, по мнению цивилиста, выступает «правовое и хозяйственное основание», а также определение обязанности через юридическое должествование удовлетворения чужого интереса, а не через меру должного поведения [38, с. 411–412].

На основании изложенного можно сделать обобщающие **выводы**. Результаты советского, постсоветского и современного периодов исследования категории «юридическая обязанность» на уровне общетеоретической и отраслевых наук, в том числе науки гражданского права, свидетельствуют о том, что данная категория относится к числу многомасштабных, ее роль не ограничивается рамками правоотношений. Методологическая централизация юридической науки на положениях материалистической диалектики автоматически не относит предложенные советскими учеными дефиниции юридической обязанности к теоретически неактуальному прошлому. В то же время наиболее часто повторявшаяся и воспринятая современными авторами формула обязанности, в основу которой положена необходимость или должествование совершения определенных действий, не может охватить все эпохи и стадии социального развития, соответственно, уже один этот факт выступает достаточным основанием для своего рода теоретической рефлексии.

С другой стороны, множество подходов к определению понятия «юридическая обязанность», свойственных даже советской науке, смешение названного понятия с иными, смежными, понятиями (прежде всего юридической ответственностью) свидетельствуют о сложности и многогранности самой проблемы сущности юридических обязанностей. Даже описательно-критический

обзор имеющихся научных разработок создает впечатление некоего «сопротивления материала», невозможности одностороннего и проработанного во всех аспектах истолкования юридических обязанностей, особенно без учета их естественно-правовой сущности и нравственного критерия. Безусловно, оправданным в теоретическом и практическом плане является поиск новой, соответствующей современным реалиям социально-правовой сущности юридических обязанностей в целом и частноправовых обязанностей в частности.

В завершение, отмечая положительные результаты общетеоретической и цивилистической науки советского периода, следует указать на имевшую место постановку вопроса о необходимости разграничения обязанностей и иных правовых явлений. В частности, на основе анализа соответствующих гражданско-правовых норм М. М. Агарков обосновал вывод о том, что используемое законодателем слово «обязан» не всегда свидетельствует о возникновении обязанности, речь может идти, например, об условиях возникновения требований со стороны покупателя ввиду недостатков купленной вещи (ст. 196 Гражданского кодекса РСФСР от 11 ноября 1922 г., на которую ссылается М. М. Агарков, соответствует п. 1 ст. 453 Гражданского кодекса Республики Беларусь [39]). Особую ценность имеет указание ученого на существование кредиторских обязанностей, то есть обязанностей кредитора принять надлежаще предложенное должником исполнение, а также совершить другие действия, необходимые для исполнения должником своего обязательства, и дополнительных обязанностей, возникающих из того же основания и направленных на достижение того же самого результата, на который направлены и основные обязанности [2, с. 50, 60–61, 63, 71]. Особенно активно в советской правовой науке разрабатывалась проблема взаимосвязи прав и обязанностей, сложность которой, а также разнообразие полученных результатов требуют самостоятельного анализа за рамками настоящей работы. В ходе такого анализа следует установить также сущность обязанности принять на себя юридические последствия положительных действий управомоченного лица.

Список использованных источников

1. *Голунский, С. А.* Теория государства и права : учебник / С. А. Голунский, М. С. Строгович. — М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. — 305 с.
2. *Агарков, М. М.* Обязательство по советскому гражданскому праву / М. М. Агарков. — М. : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1940. — 192 с.
3. *Айзенберг, А. М.* Правовые нормы и правоотношения : пособие / А. М. Айзенберг, М. П. Карева ; под ред. К. А. Мокичева. — М., 1949. — 58 с.
4. *Братусь, С. Н.* Субъекты гражданского права / С. Н. Братусь. — М. : Госюриздат, 1950. — 367 с.
5. *Общая теория социалистического права: нормы права и правоотношения. Курс лекций : учеб. пособие / С. С. Алексеев ; ред.: Г. И. Петрищева.* — Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. — Вып. 2. — 226 с.
6. *Кечекьян, С. Ф.* Норма права и правоотношение / С. Ф. Кечекьян // Советское гос-во и право. — 1955. — № 2. — С. 23–33.
7. *Александров, Н. Г.* Юридическая норма и правоотношение : сокращенная стенограмма доклада, прочитанного на научной сессии Московского юридического ин-та 6 мая 1946 г. ; под ред. проф. И. Т. Голякова. / Н. Г. Александров. — М. : Моск. юрид. ин-т, 1947. — 27 с.
8. *Александров, Н. Г.* Законность и правоотношения в социалистическом обществе / Н. Г. Александров // Советское гос-во и право. — 1955. — № 5. — С. 3–17.
9. *Александров, Н. Г.* Сущность права. К вопросу о сущности исторических типов права / Н. Г. Александров. — М. : Госюриздат, 1950. — 56 с.
10. *Александров, Н. Г.* Законность и правоотношения в советском обществе / Н. Г. Александров. — М. : Госюриздат, 1955. — 176 с.
11. *Кечекьян, С. Ф.* Правоотношения в социалистическом обществе / С. Ф. Кечекьян. — М. : Изд-во АН СССР, 1958. — 188 с.
12. *Толстой, Ю. К.* К теории правоотношения / Ю. К. Толстой. — Л. : Изд-во ЛГУ, 1959. — 88 с.
13. *Никифоров, Б. С.* Объект преступления по советскому уголовному праву / Б. С. Никифоров. — М. : Госюриздат, 1960. — 232 с.
14. *Мальцев, Г. В.* Социалистическое право и свобода личности. Теоретические вопросы / Г. В. Мальцев. — М. : Юрид. лит., 1968. — 143 с.

15. *Лейст, О. Э.* Санкции в советском праве / О. Э. Лейст. — М. : Госюриздат, 1962. — 238 с.
16. *Толстой, В. С.* Исполнение обязательств / В. С. Толстой. — М. : Юрид. лит., 1973. — 208 с.
17. *Ем, В. С.* Категория обязанности в советском гражданском праве (вопросы теории) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / В. С. Ем. — М., 1981. — 209 л.
18. *Иоффе, О. С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву / О. С. Иоффе. — Л. : Изд-во ЛГУ. — 1949. — 144 с.
19. *Красавчиков, О. А.* Гражданское правоотношение — юридическая форма общественного отношения // Категории науки гражданского права. Избранные труды : в 2 т. / О. А. Красавчиков ; науч. ред.: В. С. Ем. — М. : Статут, 2005. — Т. 2. — 494 с.
20. *Халфина, Р. О.* Общее учение о правоотношении / Р. О. Халфина. — М. : Юрид. лит., 1974. — 348 с.
21. *Ткаченко, Ю. Г.* Методологические вопросы теории правоотношений / Ю. Г. Ткаченко. — М. : Юрид. лит., 1980 — 176 с.
22. *Воеводин, Л. Д.* Конституционные права и обязанности советских граждан / Л. Д. Воеводин. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. — 300 с.
23. Общественный долг советского гражданина // Советское гос-во и право. — 1974. — № 12. — С. 3–11.
24. *Матузов, Н. И.* Конституционные права и обязанности граждан — юридическое выражение социальной свободы, ответственности и активности личности / Н. И. Матузов // Конституционный статус личности в СССР / Акад. наук СССР, Ин-т гос-ва и права ; редкол.: Н. В. Витрук [и др.]. — М. : Юрид. лит., 1980. — 256 с.
25. *Матузов, Н. И.* Исследование проблемы юридических обязанностей граждан СССР / Н. И. Матузов, Б. М. Семенко // Советское гос-во и право. — 1980. — № 12. — С. 28–37.
26. *Братусь, С. Н.* Юридическая ответственность и законность / С. Н. Братусь. — М. : Юрид. лит., 1976. — 216 с.
27. *Подмарев, А. А.* Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.02 / А. А. Подмарев ; Саратов. гос. акад. права. — Саратов, 2001. — 26 с.
28. *Поляков, А. В.* Общая теория права. Курс лекций / А. В. Поляков. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2001. — 642 с.
29. *Воеводин, Л. Д.* Юридический статус личности в России : учеб. пособие / Л. Д. Воеводин. — М. : Изд-во МГУ, Изд. гр. ИНФРА М-НОРМА, 1997. — 304 с.
30. *Эбзеев, Б. С.* Конституция. Демократия. Права человека / Б. С. Эбзеев. — М. ; Черкасск : Изд-во АО «Пул», 1992. — 228 с.
31. *Тархов, В. А.* Курс гражданского права. Общая часть / В. А. Тархов. — Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 1997. — 331 с.
32. *Бабаков, В. А.* Гражданская процессуальная обязанность / В. А. Бабаков. — Саратов : СГАП, 2001. — 116 с.
33. *Павлов, А. А.* Присуждение к исполнению обязанности в натуре как способ защиты гражданских прав в обязательственных правоотношениях : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. А. Павлов. — СПб., 2001. — 219 л.
34. *Коршунова, И. В.* Обязанность как правовая категория : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / И. В. Коршунова. — Абакан, 2004. — 179 л.
35. *Рудаков, А. А.* Права и обязанности как парные юридические категории (вопросы теории) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. А. Рудаков. — Красноярск, 2006. — 197 л.
36. *Вавилин, Е. В.* Осуществление гражданских прав и исполнение обязанностей / Е. В. Вавилин. — Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2008. — 240 с.
37. *Каримова, Р. Р.* Юридические обязанности: сущность и проблемы реализации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Р. Р. Каримова. — Екатеринбург, 2008. — 228 л.
38. *Белов, В. А.* Гражданское право. Общая часть : учебник / В. А. Белов. — М. : Изд-во Юрайт, 2011. — Т. 1 : Введение в гражданское право. — 521 с.
39. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек.1998 г., № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобрен Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11.07.2014 г. // Консультант Плюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. — Минск, 2014.

16.07.2014